

УДК 94 (470.6)
ББК 63.3 (235.7) 5
Б 43
А.В. Беликов

**Переселенческая политика России после отмены крепостного права
и «Положение о заселении предгорий западной части
Кавказского хребта кубанскими казаками
и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г.**

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье анализируются переселенческая политика России после отмены крепостного права. Заинтересованное в скорейшем освоении земель Северо-Западного Кавказа, где завершалась Кавказская война, правительство Александра II принимает законы, стимулировавшие переселение в Кубанское казачье войско иногородних. Особое место среди переселенческих законов занимает «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г., после которого началось активное заселение Кубани иногородними.

Ключевые слова:

Переселенческая политика, Кубанское казачье войско, Кавказ, иногородние, невойсковое сословие, посаженная плата.

Переселенческое движение во второй половине XIX в. на Кубани представляет научный интерес с точки зрения содержания, характера и последствий, произошедших в экономической, политической и общественной жизни, их влияния на последующую историю края. Освоение Кубани переселенцами началось после отмены крепостного права и окончания Кавказской войны, когда десятки тысяч крестьян прибывали на Северный Кавказ, где крепостное право было слабым, дворянское землевладение ограниченным, а боевые действия прекратились.

В 60–80-е гг. XIX в. правительство Александра II приняло меры к заселению Северного Кавказа, приняв законы, закреплявшие казачье землевладение, развитие на Кубани крупного, среднего и мелкого землевладения. Важнейшей целью аграрных реформ была колонизация Северного Кавказа. С 60-х гг. XIX в. правительство проводило особую политику в отношении пришлого крестьянства – иногородних.

Беглые крестьяне прибывали на Кубань с начала её колонизации. Правительство и местная администрация боролись с потоками беглецов на войсковые земли, понимая, что убрать

их с Кубани они не смогут и зачисляли беглецов в казаки. Казачья администрация, заинтересованная в росте населения, использовании труда пришлых крестьян в хозяйствах казаков, лояльно относилась к зачислению в казаки беглых. Однако игнорировать указания властей региональная администрация не могла. В 1801–1805 гг. за пределы войска было выслано 613 беглых крестьян, для поимки которых создавались особые команды, помещики посылали на Кубань своих агентов для розыска беглецов. Вышестоящие власти требовали от войсковой администрации строгих мер для розыска, выдачи беглых, среди которых были крепостные, дезертиры из армии. [1]

Изучая историю иногородних, Г.М. Цаголов писал, что до 60-х гг. XIX в. постоянная оседлость невойскового населения на территории казачьих войск «не допускалась. Лица невойскового сословия имели право приобретать недвижимую собственность только в войске Донском – в Новочеркасске и поселении Калач; в станицах Оренбургского и Уральского войск только для торговли питиями; в городах Уральск, Гурьев, в Илецкой защите и Орской станице». [2]

Историк В.С. Шамрай писал, что возникновение «вопроса об «иностранном» населении... Кубанской области следует отнести к первым ещё годам поселения на Кубани черноморцев». Однако «увеличивающийся с каждым годом наплыв в Черноморию иностранного элемента, сплетение интересов последних с интересами войсковых жителей, сознание войскового правительства, что нельзя оградить Черноморию... от пришлого элемента заставили войсковую администрацию, с одной стороны, перепискою понуждать низшие органы к недопущению иностранных водворяться на войсковой земле, а с другой стороны ходатайствовать перед высшим начальством о допущении в интересах войска водворения того же самого элемента и о предоставлении им прав пользования войсковыми угодьями. Но все ходатайства успеха не имели и первоначальный порядок водворения «иностранцев» на войсковой земле (т.е. контрабандный) продолжался до 1862 года». [3]

До начала 60-х гг. XIX в. в переселенческом вопросе правительство стояло на ограничительных позициях, учитывая интересы и качества, отстаивавшего свои привилегии, и интересы военного министерства, и помещиков России.

Во второй половине 1850-х гг. в России шла подготовка реформы по отмене крепостного права, а до начала 1880-х гг. не было законов, определявших порядок переселения крестьян. «Положение...» от 19 февраля 1861 г. установило правила перехода из одной сельской общины в другую только *отдельных* крестьян. В ст. 130 «Положения...» было определено, что крестьянин, желающий выйти из общины, обязан уплатить все недоимки, долги, безвозмездно отдать свой надел в общество, обеспечить остающихся нетрудоспособных членов семьи и предъявить приёмный приговор от того общества, в которое он переходит [4], а бывшие помещичьи крестьяне, перешедшие во «временнообязанное состояние», могли выходить из общины лишь получив согласие помещика. Крестьяне, перешедшие на выкуп, ограничивались в своих действиях обязательствами по уплате выкупного долга: некоторые из них могли получить увольнение при условии уплаты не менее половины лежащих на них выкупных платежей и при согласии общества взять

на себя погашение другой половины. [5]

Право на *групповые* переселения имели безземельные крестьяне мелких имений, мастеровые горных заводов, батраки западных уездов Витебской губернии, однодворцы западных губерний, фабричные люди, приписанные к частным фабрикам и заводам, половники Вологодской губернии, отставные и бессрочно-отпускные нижние чины российской армии. [6] Остальные крестьяне не имели права переселяться. Опасаясь роста «вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении», правительство сохранило уголовные наказания, действовавшие ранее: переселение без разрешения властей, подстрекательство к нему наказывалось заключением на срок от 2-х недель до 3-х месяцев, а «подговор» к переселению – от 8 месяцев до 1 года 4-х месяцев. [7]

Таким образом, царское правительство не было нейтральным к переселенческому движению. Крестьянская реформа 1861 г. исходила из оценки переселения как вредного для экономики явления. Меры, затруднявшие выход крестьян из общины, прикреплявшие их к наделу, должны были обеспечить быстрое поступление выкупных платежей и создание условия для эксплуатации крестьян помещиками. Правительственная аграрная политика в 60–70-х гг. XIX в. основывалась на признании наделения крестьян землей – окончательным, надельного земельного фонда – главной и прочной опорой материального благосостояния крестьянства, помещичьего землевладения – неприкосновенным. [8]

В начале 1860-х гг. на Северном Кавказе активно проводятся административные реформы: Кавказская линия, упраздняясь, её правый фланг указом царя от 8 февраля 1860 г. был преобразован в Кубанскую область, левый – в Терскую, а указом от 19 ноября 1860 г. Черноморское казачье войско было переименовано в Кубанское казачье войско «с землёй, которою они... пользовались». [9]

После Кавказской войны наступил качественно новый этап в политике России на Кавказе: правительственная деятельность активизировалась. Проводя реформы в этом регионе, власти учитывали существовавшие у казаков и горцев институты управления, максимально сближая их с внутрироссийскими. Ключевым принципом политики на Кавказе стал центра-

лизм, означавший унификацию и стандартизацию форм управления, государственно-административной структуры, законов. Жизнь казаков, иногородних, горцев подвергалась всё большей регламентации, идеологическому воздействию, внушению чувства причастности к империи, созданию психологического стереотипа о Кавказе как естественном продолжении территории России. На севере Кубанская область, площадью свыше 81 000 кв. км, граничила с Областью войска Донского, на востоке и юго-востоке – со Ставропольской губернией и Терской областью, а западная граница имела выход к Чёрному и Азовскому морям. Наказной атаман Кубанского казачьего войска стал и начальником Кубанской области, с военной, гражданской и политической властью. [10]

Все административные, военные и аграрные реформы в Кубанском казачьем войске в 60–70-е гг. XIX в. подчинялись главной задаче – заселению и хозяйственному освоению земель Кубанской области. Такой подход правительства определялся текущими потребностями России, её политикой на Северном Кавказе, суть которой, по словам Александра II, состояла «в завоевании Кавказа путём его колонизации». [11]

Таким образом, одним из главных направлений реформ России на Северном Кавказе в 60–70-е гг. XIX в. было хозяйственное освоение завоёванных земель, что во многом определил его политику в отношении иногороднего населения Кубани.

Заинтересованность государства в быстром заселении Кавказа повлекла принятие 10 мая 1862 г. «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» [12]: за 6 лет предполагалось разместить на Западном Кавказе офицеров, казаков Кубанского, Донского и других казачьих войск и «охотников из всех свободных податных сословий» (§4, 5, 6).

Меры по переселению были возложены на Командующего войсками Кубанской области, который представлял Главнокомандующему Кавказской армии вместе с ежегодным планом военных действий проект о числе переселенцев, предполагаемых к переселению в следующем году, смету пособий и расходов из казны и войсковых сумм. Места станиц на землях ещё

не занятых русской армией, указывались приблизительно, а окончательно определялись перед непосредственным водворением переселенцев (§7).

В §9 определялось, сколько семей офицеров, урядников и казаков должно ежегодно выделять для переселения Кубанское казачье войско.

В §12 устанавливалось, что «в каждой станице семейства, назначаемые на переселение, определяются по жребию». Чтобы в Кубанской области не было уменьшения населения, в первое время разрешалось переселять не более ¼ жителей. Предполагалось, что позже переселять и более ¼ жителей, но преимущественно пользовались семьи, нуждающиеся в поземельном наделе. Список семей, идущих на переселение (по желанию и по жребию), составлялся заранее, объявлялся в станицах, чтобы переселенцы могли подготовиться к переезду, найти «покупщика для своей усадьбы» (§13). В переселяемой семье должно было быть не менее одного служащего казака (§14). Отставные офицеры переселялись только по желанию и в жеребьёвке не участвовали (§16). Перечислялись освобождённые от обязательного переселения и жеребьёвки: а) отставные урядники и казаки, но не их семьи, если состояли из служащих казаков; б) казаки старше 45 лет, если не имели сыновей старше 17 лет или бездетные; в) вдовы с сиротами мужского пола младше 17 лет или имеющие дочерей; г) круглые сироты мужского пола до 20 лет; д) не способные к службе; е) члены Собственного Его Императорского Величества конвоя и Кубанского казачьего дивизиона лично с жёнами и детьми (§17).

Разрешался наём одной семьи другой при условии, что в нанимаемой семье было не менее двух взрослых мужчин, в том числе один служащий. Казак, поставивший вместо себя наёмщика, от участия в жребии на переселение освобождался (§19).

Срок переселения устанавливался в §22: к концу апреля следующего года переселенцы должны быть готовы к выступлению, а к 15 мая быть на месте. Так же переселялись в Кубанскую область из Донского и Азовского казачьих войск (§§23–33).

Переселение государственных крестьян и других сословий определялось в §§34–42 «По-

ложения...» от 10 мая 1862 г.: Министерство государственных имуществ назначало 300–500 семей государственных крестьян (в каждой должно было быть не менее двух мужчин) в год. Государственные крестьяне должны были прибыть в Ставропольскую губернию не позже конца мая (§35), а списки семей доставляли в штаб войск Кубанской области не позже февраля (§36). По новым станицам их распределял Начальник Кубанской области (§37). Получив кормовые деньги от штаб-офицера, они в сопровождении обер-офицеров следовали к месту поселения (§38). На переселение принимали прибывавших в Ставрополь охотников (добровольцев) из государственных крестьян и из всех свободных и податных сословий, но при условии, что они «а) изъявят готовность поступить с потомством в Кубанское казачье войско и дадут в том подписку, б) если они будут иметь в своём семействе не менее двух мужского пола душ, и в) если представят законные паспорта (Так в тексте. – А.Б.) и увольнительные виды от обществ и местного их начальства» (§39). Добровольцы направлялись на жительство в ту станицу, которую определял штаб войск Кубанской области (§40). Дворяне при переселении зачислялись в казачье сословие вместе с семьями, получая пособие в размере, определенном для государственных крестьян (§42).

Порядок зачисления в казачье сословие женатых нижних чинов Кавказской армии изложен в §§43–46: ежегодно в сентябре делать вызов по войскам Кавказской армии добровольцев для поселения в новых станицах (§43). Посемейные списки женатых солдат доставлялись в октябре в Главный штаб Кавказской армии, где определяли кандидатуры на переселение, списки которых передавались в штаб войск Кубанской области (§44). При назначении переселенцев предпочтение отдавалось «имеющим при себе, на Кавказе, семейства, в коих есть, по крайней мере, один сын; затем назначаются уже и те, семейства которых на родине» (§45).

Каждая семья казаков и государственных крестьян, переселявшаяся в новые станицы, получала от казны: «1) единовременно... 107 руб. 14¹/₇ коп. и 2) на вооружение 15 руб.», с них «слагались недоимки по податям и хлебному сбору» (§§47–50), а семьям женатых нижних чинов полагалось «1) единовременно... 71 руб.

42⁶/₇ коп.; 2) на обзаведение лошадьёю и сбруей 35 руб. 71²/₇ коп.; 3) на вооружение 15 руб.» (§51).

Переселенцам полагались льготы: а) в течение трёх лет: 1) освобождение от службы, кроме защиты своих станиц; 2) провиант от казны; 3) порционные деньги казакам, кроме малолетних; б) единовременно: 1) кормовые деньги для всех во время следования до Ставропольской губернии: по 5 коп. в сутки на каждого, а при следовании в Ставропольской губернии по 6 коп. в сутки; 2) прогонные деньги от казны женатым нижним чинам на каждые два семейства по одной подводе; 3) для всех переселенцев оплата в пути квартир, пастбищных мест и подвод для больных; 4) лечение больных в госпиталях, лазаретах за счёт казны, и 5) право бесплатного перевоза через реки (§53).

Каждой семье переселенцев казна выделяла на непредвиденные расходы, на строительство общественных зданий в станицах по 5 руб., на покупку рабочих инструментов для устройства станичных оград – по 1 руб. 40 коп. (§54).

Земли переселенцам отводились по следующим нормам: для каждой станицы – 20–30 десятин на душу мужского пола у казаков и по 200 десятин на офицерскую семью. Каждая семья по воле начальства и в зависимости от качества земли, получала в частную, вечную и потомственную собственность: офицеры – от 25 до 50 десятин; урядники, казаки и охотники других сословий – от 5 до 10 десятин земли на душу мужского пола (§67). До особого распоряжения запрещалось отчуждать эту землю лицам, «не принадлежащим к войсковому сословию», т.е. иногородним (§72). Если землю получала по наследству женщина, муж которой относился к невойсковому сословию, то она могла владеть ею при условии зачисления супруга в казаки или должна была продать эту землю (§76), как и мужчины невойскового сословия, получившие участок земли по наследству, но не перешедшие после этого в казачье сословие (§77).

«Положение...» устанавливало, что до «умиротворения Закубанского края, никто из лиц, Кубанскому войску не принадлежащих, не имеет права владеть в этом крае полевыми землями». С разрешения Войскового правления лишь купцы, фабриканты и другие промыш-

ленники могли для развития промышленности приобретать в станицах усадьбы, строить на них «торговые и фабричные заведения, с правом владения оными, как полною собственностью», при уплате в пользу войска посаженной платы (§84).

Переселившиеся семьи дворян и казаков, сохраняли права собственности на усадьбы, оставшиеся на прежних местах их жительства. Они могли продать их или передать кому-либо другому, но не более чем в трёхлетний срок, по истечении которого усадьбы продавались самими хозяевами или поступали в ведение начальства (§§85, 99). Станичные общества избирали несколько человек в качестве надзирателей, следивших, чтобы усадьбы «не были разорены или доведены до расстройства, уменьшающего их ценность». Все повреждения должны были немедленно исправляться (§102). Для облегчения продажи усадеб переселения казаков, их разрешалось приобретать не только казакам, «... но и лицам, к этому сословию не принадлежащим» (§106).

Иногородние, получив право оседлости в Кубанском казачьем войске после покупки усадеб или земли, были обязаны вносить ежегодно «1-го января, ... посаженную плату: в г. Екатеринодаре по 5 к. (копеек. – А.Б.) за кв. сажень, с обращением одной половины сих денег в городской доход, а другой в войсковую сумму; в станицах же и посёлках по 2 к., из коих одна половина поступает в войсковой доход, а другая половина в станичные суммы» (§109). Став владельцами усадеб, иногородние могли «продавать их другим, себе подобным, или лицам казачьего сословия» (§110). По §111 обязанность иногородних вносить посаженную плату «никогда не прекращается», кроме тех случаев, когда владельцами усадеб станут казаки. Став владельцами усадеб, иногородние освобождались от всех повинностей кроме «взноса... денег за право торговли... и повинностей по состоянию их в гражданском ведомстве» (§112).

Приобретя усадьбу, иногородние получали право пользования общим выгоном для своего домашнего скота (до 15 голов крупного и 30 голов мелкого) наравне с остальными жителями станиц и посёлков. Содержание большего количества домашнего скота, использование сенокосов требовало согласия станичного об-

щества за особую, «по взаимному соглашению, плату в станичный доход» (§113). При неуплате иногородними в срок посаженной платы, её взыскивали как недоимку (§114). Владельцы усадеб из невойскового сословия, получив свидетельства о количестве земли (§115), подчинялись войсковому начальству (§116) и были обязаны нести общие земские повинности: постоянную и подводную, по исправному содержанию дорог, мостов и переправ (§142).

Ограничение прав иногородних прослеживается в «Положении...» и в вопросе о покупке земли: при продаже войсковых земель, преимущественным правом покупки и отдачи в оброчное содержание пользовались казаки, и только при отсутствии среди них желающих, это право получали «другие сословия» (§118). Если после выселения казаков, оставались свободные земли, продажа их, «до особого разрешения», запрещалась, но в оброчное содержание войсковое начальство могло отдавать эти земли «и казакам, и лицам всех других сословий» (§120). После объявления о продаже земель, покупать её в течение 6-ти месяцев могли «исключительно лица казачьего сословия Кубанского войска», а по истечении этого срока – лица всех сословий (§133). Иногородние, «с приобретением в Кубанском казачьем войске земли посредством покупки» владели «ею на общих правах частной собственности без зачисления в казачье сословие и с сохранением... своих сословных прав» и могли «заводить на своей земле усадьбы, хутора, сады и всякого рода торговые и промышленные заведения» (§140).

Таким образом, «Положение...» от 10 мая 1862 г. регламентировало создание казачьих станиц, которые строились, прежде всего, в местах, обусловленных военными интересами. Заселение станиц шло по заранее разработанным планам, для переселенцев выделялись деньги, предоставлялись налоговые льготы. В это время центральная и местная власти не уделяли внимание взаимоотношениям казаков и горцев с иногородними, особенно в земельном вопросе, который со временем обострился и стал весьма актуальным. При проведении крестьянской реформы на Кавказе и освобождении зависимых сословий в крае было осуществлено размежевание земель. [13]

Слабо контролируемая местной администрацией миграция крестьян из внутренних губерний России в Кубанскую область, переселение местных жителей из горных районов, а также массовое заселение равнинных территорий казачеством привели к обострению земельной проблемы, становившейся причиной напряжённости и конфликтов как внутри этнических групп, так и между ними. Весьма неблагоприятно на внутривластной обстановке Кубани отразилась традиционная для самодержавия практика поощрения казачества путём всевозможных льгот и привилегий, порождавшая неприязненное, а порой и враждебное отношение к казакам со стороны и иногородних и горцев. Такое искусственное повышение статуса одной из общностей в условиях полиэтнического региона неизбежно ведёт к негативным последствиям для власти.

Непросто оценить значение «Положения...» от 10 мая 1862 г. однозначно. С одной стороны, это был первый шаг власти к появлению частного землевладения в крае, «не знавшего иного порядка, кроме общинного» [14], дававший право приобретать в собственность землю иногородним. Однако для невоинских сословий это право было ограничено, во-первых, запретом «до особого распоряжения, отчуждать эту землю лицам, не принадлежащим к воинскому сословию» (§72), во-вторых, наследовать землю женщинам, вышедших замуж за иногородних (§76), в-третьих, дискриминацией невоинского сословия при купле-продаже земли (§118). Тяжёлым условием для иногородних была высокая посаженная плата, установленная в §109.

Игнорирование правительством земельного вопроса иногородних сдерживало заселение Кубани невоинскими сословиями. Осложняло положение иногородних политика местной власти, пытавшееся сдерживать переселение на Кубань крестьян из центральных и южных губерний России. Это противостояние, началось, по мнению Б.М. Городецкого [15], ещё в 1830-е гг., когда прибывавшие на Кубань сельскохозяйственные рабочие, окончив работу, оставались на «временное» жительство в станицах края, приобретали со временем усадебные постройки, «пользуясь наравне с жителями невоинского сословия правом рыбной ловли, хлебопашества, сенокосения и т.д.» [16]

Русские учёные А.И. Васильчиков, А.А. Кауфман, Ф.Г. Тернер, изучавшие во второй половине XIX – начале XX вв. переселенческое движение в России, отмечали его существенное отличие от европейской колонизации заморских стран.

Князь А.И. Васильчиков – экономист и земский деятель, считал, что колонизационное движение в Западной Европе «имеет характер эмиграции, т.е. выхода, которому соответствует в Америке и Австралии иммиграция, т.е. водворение населения, а в России переселения были... и остаются... проявлениями внутреннего быта, ... перехода из одних мест жительства в другие, и притом в края, не представляющие большой разницы с климатом и почвой коренных областей». [17]

Известный экономист А.А. Кауфман писал, что переселенцы из Западной Европы направлялись в дальние колонии, слабо связанные с метрополией и представляли собою население «неизбежно стремящиеся порвать эту связь», а территории, приобретённые русскими, являются в полном смысле слова продолжением России». [18]

Рассматривая перспективы переселенческого движения, Ф.Г. Тернер считал в начале XX в., что «Россия в отношении колонизации находится в исключительно благоприятных условиях, обладая... свободными землями, на которые могут изливаться избытки сельского населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа... к большему сплочению этих дальних стран с Россией». [19]

Экономисты и публицисты всех направлений были встревожены перспективой бурного роста числа безземельных крестьян и их скопления в городах и районах массового переселения. Разложение крестьянской общины стали рассматривать не как закономерный итог реформ, а как явление, идущее вразрез с интересами крестьян.

Либеральная интеллигенция, чиновничество из прежних сторонников частной собственности крестьян на землю перешли в лагерь сторонников сохранения общинного землевладения, а в либерально – народнической литературе появилось целое направление, стремившееся доказать преимущество общинного землевладения над частным. [20] Такое единодушие в обществе в пользу сохранения и консервации

общины отвечало интересам власти. Лидеры консервативного аграрного курса правительства видели причину бедствий крестьян не в малоземелье, а в пьянстве, ослаблении общинных и внутрисемейных связей.

По мнению А.А. Кауфмана «крестьянская реформа должна была... иметь своим прямым логическим последствием усиленные заботы о развитии и упорядочении переселения. На самом деле оказалось обратное. Ни положение 19 февраля, ни, изданное пятью годами позже, положение о государственных крестьянах, не содержат ничего, что намекало бы на переселение и на правила его регулирующие.» Более того, «... предстояла необходимость изменить хозяйственные привычки и порядки при замене даровой работы наёмным трудом.» Помещики «... жаловались на то, что трудно добыть рабочих, что свободный рабочий работает плохо,... рабочие не исполняют рабочих контрактов и т.п. Оставалось... отдавать земли крестьянам в наём». [21]

Исследуя взаимоотношения после реформы 1861 г. бывших крепостных крестьян и их бывших хозяев, А.И. Васильчиков писал об опасениях дворян, «*что при значительном развитии переселения трудность добывать рабочих ещё усилится, ... домовладелец потеряет и съёмщиков на предлагаемую в аренду землю и... лишится единственной оставшейся в его руках верной статьи дохода*». Таким образом, «класс землевладельцев смотрел у нас в то время недоброжелательно на переселенческий вопрос; а так как это был класс весьма влиятельный, то его образ действий отражался и на настроении правительства», считавшее переселения крестьян «делом крайне опасным, которое не только не следует поощрять, но которому следует даже препятствовать всеми мерами». [22]

Князь А.И. Васильчиков заметил, что при подготовке реформы 1861 г., для того «чтобы регулировать дальнейшее разверстание и расселение жителей, предначертали, что по истечении девяти лет будет даровано крестьянам право вольного перехода... Но, когда наступил девятый год, положение дел изменилось... Вольный переход казался многим просвещённым людям предвестником новой пугачёвщины, ... опасались, ... чтобы с наступлением 20 февраля 1870 года, ... русские крестьяне не

поднялись все разом с родных своих пепелищ, грабя и зажигая помещичьи усадьбы...». [23]

В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. Александру II и Александру III пришлось считаться с кризисом крестьянского хозяйства, что отразилось, в признании «крестьянского малоземелья». Переселенческий вопрос в начале 1880-х гг. занял особое место в аграрной политике. Комиссии правительства, разрабатывавшие основы переселенческой политики – П.П. Семёнова, совещание «сведущих людей», сенатора В.К. Плеве – имея разные подходы, сошлись в одном – признали связь стихийно развивавшегося переселенческого движения с ростом крестьянского малоземелья. [24]

Стихийные самовольные переселения крестьян на окраины Российской империи – Сибирь, Предкавказье – могли ослабить проблему малоземелья при условии, что правительство узаконит эти миграции. Внимание же власти было сосредоточено на ослаблении влияния мирового аграрного кризиса на хозяйства помещиков. В аграрной политике шла борьба двух подходов: либерального и консервативного. Одним из главных принципов последнего была борьба против дополнительного наделения землёй крестьян и их свободного перехода. Всё это обусловило в качестве стержня аграрной политики укрепление общины, а главной гарантией консервации патриархального уклада российской деревни должна была стать крестьянская община, а не переселение.

Так, в 1879 г. министр государственных имуществ П.А. Валуев, в ответе Черниговскому губернатору по поводу крестьянских ходатайств о свободе переселения, указал, что к таким ходатайствам «нужно относиться с величайшей осторожностью, дабы тем внушить населению, что правительство, раз устроив поземельный быт сельского населения, не считает себя обязанным продолжать это устройство и раздавать ценные казённые земли для удовлетворения временных и *случайных потребностей*». Министр опасался переселения крестьянского населения, «ожидающего везде новой нарезки земли на основании ложных слухов и злонамеренных толкований». [25]

Правительство было вынуждено законодательно оформить правила переселения крестьян и, не дождавшись окончания разработки законопроекта по этому вопросу, 10 июля 1881 г.

издаёт «Временные правила» о переселении крестьян. Переход крестьян на новое место жительства допускался лишь с разрешения министров внутренних дел и государственных имуществ и только в том случае, если это диктовалось экономическим положением крестьян, что вело к злоупотреблениям при выдаче разрешений.

После отставки Н.Х. Бунге с поста министра финансов в конце 1886 г. либеральный аграрный курс был свёрнут. Мировой аграрный кризис повлёк крушение авторитета фритредерских идей. Учёные-экономисты Европы в своих трудах стали рассматривать землю не как обычный товар, а как «универсальное благо», подобное воде и воздуху. В России, с её вековыми традициями общинного землевладения, идея о сворачивании рыночных отношений в сельском хозяйстве проявилось особенно сильно.

Был издан Основной переселенческий закон от 13 июля 1889 г. [26], защищавший интересы помещиков и дворянское направление переселенческой политики. Самовольные переселения рассматривались как «зло», разорявшее крестьян, лишавшее помещиков «необходимой для земледелия рабочей силы» (ст.1 закона 13 июля 1889 г.). Однако в законе, выражавшем интересы помещиков, отражена и государственная точка зрения на переселенческий вопрос. Соединённые департаменты Государственного совета считали, что «прогрессивный из года в год прирост массы сельских обывателей, в связи с существующим в некоторых местностях общим малоземельем заставляя правительство не закрывать возможность переселения как единственного средства к уменьшению крайней густоты населения и к поправлению хозяйственного быта тех крестьянских семейств, которым за недостатком земли угрожает безысходная нищета». Таким образом, предусматривалось использование переселений как средства аграрной политики правительства. Вместе с тем, Соединённые департаменты выступали за русификаторско-колонизаторскую функцию переселений, предполагая «заселение отдалённых или бедных русским элементом окраины государства». [27]

Закон 13 июля 1889 г. признавал, что потребность в переселении «весьма ограничена», а главная задача правительства «скорее сдер-

живать переселение, нежели поддерживать и поощрять его». Для этого законом 13 июля 1889 г. предусматривался ряд мер. Во-первых, согласно ст.1, сложная процедура получения разрешения на переселение – только с предварительного согласия трёх министров. Во-вторых, власть не обещала переселенцам участки для водворения, а разрешение выдавалось только при условии, что в районе, выбранном для переселения, есть свободные участки казённой земли (ст.2) и лишь в том случае, когда правительство признавало переселение «полезным и необходимым». Эта оговорка давала возможность и чиновникам не выдавать разрешений на переселение под предлогом отсутствия свободных земель, что по свидетельству А.А. Кауфмана широко применялась на практике. [28] В-третьих, переселенцы должны были передать общине свой надел безвозмездно (ст.13), что затрудняло переселение бедноты. Это требование, как и отказ от «выводной платы» – вознаграждения переселенцев за надел, передаваемый общине, предложенный еще в начале 1880-х гг. комиссией П.П. Семёнова – вполне согласовывались и с другими принципами аграрной политики, закреплёнными позже законом 14 декабря 1893 г. – неотчуждаемостью наделных земель. Тяжёлым препятствием для потенциальных переселенцев был имущественный ценз для получения разрешения на переселение: каждая семья должна была иметь после продажи имущества минимум 125-300 руб. на новое обзаведение. Всё перечисленное удерживало бедноту от переселения. [29]

К условиям, облегчавшим выход из общины, относились установленные в законе отмена увольнительных приговоров от обществ, льготы по уплате податей и арендной платы, отсрочка от воинской повинности.

Заслуживает внимания организация государственной помощи переселенцам, предусмотренная законом: путевые пособия, денежные ссуды на первоначальное обзаведение, приобретение рабочего скота, инвентаря и отпуск леса для построек. Их размер определялся тремя министрами, но предоставлялась данная помощь в виде «особого содействия» не всем, а лишь «тем или иным переселенцам», т.е. не носила всеобщего характера. Более того, этот раздел закона 13 июля 1889 г. так и не был опубли-

ликован, что давало возможность чиновникам, предоставлявшим государственные пособия переселенцам, злоупотреблять своим положением. Аргументы в пользу такой организации помощи государства изложены в заключении Соединенных департаментов: «Известно, в каком широком в свою пользу смысле истолковывает простой народ все мероприятия, соединённые с предоставлением ему... хотя бы малейших льгот». Поэтому решено было сделать всё возможное, чтобы «не возбудить предположения, что правительство поощряет переселения» и не дать повод «как преувеличенным надеждам, так и неосновательным ожиданиям дополнительных наделов». [30]

Таким образом, закон 13 июля 1889 г. полностью никогда не применялся, что в немалой степени тормозило переселенческое движение в России.

Начало контрреформ после убийства Александра II стало поворотным моментом в истории России. В 1880-е гг. ужесточился правительственный курс, изменилась система управления Кавказом. Правительство больше не нуждалось в Кавказском наместничестве как форме государственно-административного устройства, а Александр III полагал, что Кавказ должен стать рядовой административно-территориальной единицей Российской империи. Ликвидация Кавказского наместничества повлекла за собой череду соответствующих мер: функции наместника передавались Главноначальствующему гражданской частью с ограниченной самостоятельностью. Прерогативы управления бывшим наместничеством перешли к центральной власти и канцелярии генерал-губернаторов.

Контрреформы 80-90-х гг. XIX в. оказали влияние и на политику правительства в казачьих войсках: военное министерство, местная казачья администрация принимали меры к ограничению притока иногородних в Кубанскую область. По этому поводу Г.М. Цаголов писал: «... С 80-х годов вопрос об иногородних вступил в новую фазу развития. Наблюдавшееся до сих пор стремление вызвать прилив невоинского населения на войсковую территорию и улучшить его положение в казачьих станицах сменяется противоположным течением». [31]

Таким образом, переселенческая политика России во второй половине XIX века была не-

последовательной и противоречивой, что сдерживало активность заселения окраин империи.

Примечания:

1. Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г. – Краснодар, 1996. С.180.
2. Цаголов Г.М. Вопрос об иногородних // Вестник казачьих войск. – 1903. – №11. – С.160.
3. Шамрай В.С. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. – Т.7. – Екатеринбург, 1901. С. 75, 79.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр.2-е. Т.36. № 36657.
5. ПСЗРИ. Собр.2-е. Т.36. № 36659, ст. 173.
6. Янсон Ю.Э. Очерк правительственных мер по переселению крестьян после издания Положения 19 февраля 1861 г., Приложение к кн.: Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб., 1881 г. С.45-47.
7. Полный свод уголовных законов. Уложение о наказаниях. – СПб., М., 1879. Ст. 947, 948.
8. Симонова М.С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – нач. XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.1965. – М, 1970. С.425.
9. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т.35. № 35421, 36327.
10. Очерки истории Кубани с древнейших времен... С.336.
11. Революции и горец. Ростов н/Д, 1929. – №4(6). – С.33.
12. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т.37. № 38256.
13. Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып.1. – Тифлис, 1868. С.3 – 14.
14. Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области. Исторический очерк // Кубанский сборник. – Екатеринбург, 1900. Т.VI. С.73-140.
15. См: Городецкий Б.М. Развитие крестьянского землевладения на Северном Кавказе в связи с деятельностью Крестьянского поземельного банка. Статистико-экономический очерк // Кубанский сборник. – Екатеринбург, 1913. Т.18. С.448.
16. Там же. С.449.
17. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. – Т.II. – СПб., 1876. С.924.
18. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб.,1905. С.5,7.
19. Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. Ч.II.Крестьянское землевладение. – СПб.,1901. С.109.

20. Брусникин Е.М. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции (80-90-е годы XIX века) // Вопросы истории. – 1970. – №2. – С.44-47.
21. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905. С.16-17.
22. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. – Т.II. – СПб., 1876. С.119-120.
23. Там же. С.858.
24. Брусникин Е.М. Переселенческая политика царизма в конце XIX в. // Вопросы истории. – 1965. – №1. – С.29-32.
25. Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. – Киев, 1912. С.19.
26. ПСЗРИ. Собр.3-е.Т.9.1889. – СПб.,1891. № 6198.
27. Симонова М.С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 1965 г. – М., 1970. С.426-427.
28. Кауфман А.А. Указ.соч. С.43.
29. Брусникин Е.М. Переселенческая политика царизма в конце XIX в. С.33.
30. Симонова М.С. Указ. соч. С.428.
31. Цаголов Г.М. Указ.соч. С.167.